Максимилиан Александрович Волошин

Проповедь новой естественности

Максимилиан Волошин

Проповедь новой естественности

«Public Domain»

1909

Волошин М. А.

Проповедь новой естественности / М. А. Волошин — «Public Domain», 1909

О романе А. Каменского «Люди»

© Волошин М. А., 1909
© Public Domain, 1909

Максимилиан Волошин
Проповедь новой естественности

В литературе существуют некоторые неумирающие идеалы, которые проявляются в известные исторические эпохи у разных народов и под разными личинами, оставаясь в своей логической сущности неизменными. Исторически они могут быть обоснованы и оправданы; с точки зрения общественности они приносят известную пользу, но для искусства они вредны, бесполезны и обременительны.

К таким идеалам принадлежит фикция об «естественном человеке». Почти все мечтавшие о моральном исправлении общественного строя пытались изобрести своего «естественного человека». Его педагогическое удобство было слишком очевидно: те, кому хотелось рассматривать исторические пережитки, народные традиции, общественные кристаллизации словом, все вообще органические процессы общества не как накопление культуры, а как «ложь условностей», те для наглядности должны были противопоставлять реалистически-обличительным картинам современного им общества искусственно ими созданный идеал «естественного человека».

Как все гомункулы и автоматы, он таил в себе притягательные силы пустоты и в то же время готовил опасности и разочарования. Мало кто из великих умов Европы, начиная с Ренессанса, избежал его отравы. Открытие древних культур Америки, которые охотно были приняты за райское состояние человека, повело к созданию «добродетельного дикаря». Для «естественного человека» была найдена фиктивная конкретность. Уже Монтэнь начинает попрекать своих современников добродетельными – «viri a diis recentes». Буревестник революционных эпох – «добродетельный дикарь» в XVIII веке получает полное господство. Робинзонов Пятница, трагическая идиллия Бернардена де Сен-Пьер, канонизация естественного человека у Руссо, даже кое-какие из персонажей в сказках Вольтера, свидетельствуют на разные лады о том же опасном и «полезном» идеале, мешающем свободному исследованию и принятию жизни.

Вызванный к Существованию столькими заклинаниями, «добродетельный дикарь» появляется во время Революции, и, если 14 июля и 2 сентября он еще движим внушенною ему суровою литературною добродетелью, то третьего и четвертого сентября он уже становится тупым, кровожадным и не мудрым зверем. Идеализацию промышленного прогресса у Сен Симона можно рассматривать как реакцию своего рода против диктатуры «добродетельного дикаря». Но авторитет «добродетельного дикаря» в области социальных построений далеко не подорван. В характерах современных социалистов мы можем наблюдать самые забавные арлекинады от смешения этих двух идеалов: идеала механического прогресса и идеала естественного человека. Размеры популярности Толстого и Горького на Западе свидетельствуют о неискоренимости мечты о «добродетельном дикаре». По всему ходу своего культурного развития и по условиям переживаемой исторической эпохи, Россия оказалась обетованной страной для самых разнообразных воплощений, добродетельного дикаря. Русским утопистам и моралистам нечего было искать его в Америке, он был под руками. Идеализованный мужик, нигилист, опростившийся интеллигент, босяк… – все это различные гримасы одной и той же литературной маски. Суровый и смелый, но всегда ограниченный моральной идеей, реализм русского романа органически слился с антихудожественным идеалом «естественного человека». Добродетельный дикарь нашел свои пути и ходы в литературе. Он стал представителем естественной народной совести, естественной народной мудрости, он обладал «святой плотью», лишенной всяких свойств и отправлений и, в частности, пола. Характерно то, что лишь тогда, когда авторы относились к «добродетельным дикарям» с сознательным или бессознательным несочувствием, как Гончаров к Марку Волохову или Тургенев к Базарову, лишь тогда они

снабжали их некоторыми признаками пола. Эта примитивная бесполость «естественного человека» не могла длиться вечно. Глубокие химические реакции, вызванные революционными движениями девятисотых годов, разъели плеву стыдливости и создали потребности в новых моральных критериях уже в области пола. Идеал естественного человека, излюбленный и воспитанный русской литературой, был готов к услугам новых беллетристов, оставалось лишь наполнить его новым содержанием. Арцыбашев создал Санина. Этого можно было ожидать. Санин – неизбежное звено в эволюции естественного человека. Литературная критика не признала этого нового «добродетельного дикаря» добродетельным. Она была шокирована, испугана, возмущена… И совершенно напрасно, так как он был создан в самых лучших традициях русского идейного романа. Что сами традиции плохи – это уж другое дело. Естественный человек остался в лике Санина по-прежнему прямолинейно-честен и добродетелен, но, прикоснувшись к самой «естественной» области человеческой души, к области пола, в которой все существует лишь психологическими условностями, он оказался смешон, нелеп и возмутителен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.